

Ночь нежна

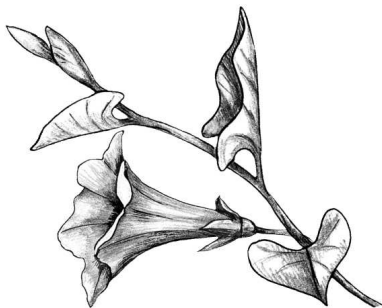
Фрэнсис Скотт
Фицджеральд

Москва
2023

Элегантная классика

Ночь нежна

Фрэнсис Скотт
Фицджеральд

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф66

Francis Scott Key Fitzgerald
TENDER IS THE NIGHT

Перевод с английского *С. Ильина*

Редактор *Л. Сумм*

Оформление серии *Я. Паламарчук*

Оформление переплёта *Н. Каптыркиной*

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Ночь нежна / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [перевод с английского С. Ильина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-173525-8

«Ночь нежна» — удивительно тонкий и глубоко психологичный роман американского классика, который многие критики ставят даже выше «Великого Гэтсби», а сам автор называл «самым любимым своим произведением». И это не случайно: книга получила во многом автобиографичной — Фицджеральд описал в ней оборотную сторону своей внешне роскошной жизни с женой Зельдой. Вожделенная американская мечта, обернувшаяся подлинной трагедией. В историю моральной деградации талантливого врача-психиатра он вложил те боль и страдания, которые сам пережил в борьбе с шизофренией супруги...

Но эта книга не о болезни или смерти — она о любви.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Ильин С., перевод на русский язык.
Наследники, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-173525-8

ДЖЕРАЛЬДУ и САРЕ
Многих fêtes¹

И вот уже мы рядом. Ночь нежна...
... А здесь твоя страна
И тот лишь свет, что в силах просочиться
Сквозь ставни леса и засовы сна.

Джон Китс. Ода соловью²

¹ Праздников (фр.). — Здесь и далее примечания переводчика.

² Перевод А. Грибанова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

На приятнейшем берегу Французской Ривьеры, примерно посередине пути от Марселя до итальянской границы, стоит большой, горделивый, розоватых тонов отель. Почтительные пальмы сияются остудить его румяный фасад, короткая полоска слепящего пляжа лежит перед ним. В последние годы он обратился в летнее прибежище людей известных и фешенебельных; но десять лет назад почти совершенно пустел после того, как в апреле его английская клиентура отбывала на север. Ныне вокруг него в изобилии теснятся летние домики, однако в пору, на которую приходится начало нашего рассказа, крыши всего лишь дюжины старых вилл дотлевали, точно кувшинки в пруду, посреди густого соснового леса, что тянулся от этого принадлежавшего семейству Госс «*Hôtel des Étrangers*»¹ до отделенных от него пятью милями Канн.

Отель и ржавчатый молеальный коврик его пляжа составляли единое целое. Ранними утрами в воде отражались далекие Канны, их розовые и кремовые старинные укрепления, лиловатые, ограждающие Италию Альпы, все они подраги-

¹ Отель для иностранцев (*фр.*).

вали на морской глади, колеблемые зыбью и кругами, которые расходились от достававших до нее усиков водорослей, покрывавших чистые отмели. Незадолго до восьми на пляж спускался мужчина в синем купальном халате; приготавливаясь к купанию, он долго оплескивал себя холодной водой, громко пыхтел и кричал, а затем с минуту барахтался в море. После его ухода на пляже царил в течение часа покой. Вдоль горизонта ползли уходившие на запад торговые суда; во дворе отеля перекликались судомойки; на соснах подсыхала роса. А по прошествии этого часа на извилистой дороге, что тянется вдоль именуемой Маврскими горами гряды невысоких холмов, отделяющих побережье от собственно Прованса, начинали гудеть клаксоны автомобилей.

В миле от моря, там, где сосны сменяются запыленными тополями, одиноко стояла железнодорожная станция, — от нее июньским утром 1925 года открытая двухместная машина повезла к отелю Госса двух женщин, мать и дочь. Лицо матери, еще сохранявшее следы миловидности, коим предстояло в скором времени скрыться под сеткой полопавшихся сосудиков, выражало спокойствие и приятную уверенность в себе. Однако взгляд каждого, кто их видел, мгновенно обращался к дочери, в чьих розовых ладонях, в щеках, словно подсвеченных восхитительным внутренним пламенем, красневших, как у ребенка после холодной вечерней ванны, присутствовала несомненная магия. Ее изящное чело отлого поднималось туда, где взметались волнами, завитками и ниспадавшими на него прядями пепельно-светлые и золотистые волосы, окаймлявшие лоб, как намет окаймляет геральдический щит. Большие, яркие, чистые, влажно сияющие глаза; щеки, озаренные натуральным румянцем, — это светилась под кожей кровь, которую разгонял по ее жилам мощный мотор молодого сердца. Тело девушки нежно медлило на самом краешке детства — ей было почти восемнадцать, утро ее жизни подходило к концу, но роса еще покрывала ее.

Когда внизу под ними показалась жаркая граница неба и моря, мать сказала:

— Чует мое сердце, не понравится мне здесь.

— А мне и так уж домой хочется, — ответила девушка.

Говорили они весело, но явно не знали, в какую сторону им податься, и незнание это уже наскучило обеим — к тому же двигаться абы куда, этого им было мало. Обе жаждали восторженного волнения, и жажда эта порождалась не столько необходимостью подстегнуть утомленные нервы, сколько ненасытностью заслуживших каникулы первых в школе учеников.

— Поживем там три дня — и домой. Я первым делом закажу по телеграфу каюту на пароходе.

С гостиничным портье разговаривала, снимая для них номер, девушка, — французская речь ее была пересыпана присловьями, но несколько заторможена, как будто девушке приходилось их припоминать. Номер они получили на первом этаже, и, распаковав вещи, она выступила сквозь французское окно под слепящий свет дня и немного прошлась по тянувшейся вдоль всего отеля каменной террасе. Походка у нее была балетная, торс не оседал при каждом шаге на бедра, но словно тянулся вверх, отталкиваясь от распрямленной поясницы. Здесь, на террасе, Розмари облило горячее сияние, бросившее ей под ноги четкую, усеченную тень, и девушка отступила назад — свет слишком резал глаза. В пятидесяти ярдах от нее жестокий блеск солнца отнимал у Средиземного моря одну краску за другой; под балюстрадой допекался на подъездной дорожке отеля полинявший «бьюик».

Вокруг было пусто, какое-то оживление замечалось только на пляже. Троица британских нянюшек вязала, украшая носки и свитера узорами викторианской Англии, узорами сороковых, шестидесятых, восьмидесятых годов, и сопровождая это занятие аккомпанементом следующих, словно магические заклинания, строгим правилам сплетен; ближе к воде обосновалось под полосатыми зонтами человек десять, а дети их гонялись по отмелям за безбоязненной рыбой или лежали нагишом, поблескивая под солнцем умащенной кокосовым маслом кожей.

Когда Розмари вышла на пляж, мимо нее пронесся и с восторженным воплем ворвался в море мальчик лет двенадцати. Чувствуя, как ее кожу покалывает от изучающих взглядов незнакомых людей, она сбросила купальный халат и последовала примеру мальчика. Проплыв лицом вниз несколько ярдов, она оказалась на отмели, и встала, покачиваясь, и побрела вперед, подволакивая стройные ноги, словно отяжелевшие от сопротивления воды. Зайдя в нее почти по грудь, Розмари оглянулась на пляж: лысый, одетый в купальное трико мужчина с моноклем в глазу, пучками длинных волос на груди и нагло лезущим в глаза глубоким пупком, не сводил с нее изучающего взгляда. Розмари перехватила его, и мужчина выронил из глазницы монокль, вмиг затерявшийся среди украшавших его грудь замысловатых усов, и налил себе стаканчик чего-то из бутылки, которую держал в руке.

Розмари снова легла ничком на воду и отрывистым кролем поплыла к плоту для купальщиков. Вода и выгалкивала ее, и нежно тянула вниз, подальше от зноя, обтекая волосы, забегая в укромные уголки тела. Розмари кружилась в ней и кружилась, переворачиваясь с боку на бок, обнимая ее, не жась в ней. До плота она добралась запыхавшейся, и там загорелая женщина с белейшими зубами окинула ее взглядом, и Розмари, устыдившись вдруг белизны своего тела, повернулась на спину и неторопливо направилась к берегу. Когда она вышла из воды, волосатый мужчина с бутылкой в руке заговорил с ней.

— А знаете — там за плотом акулы водятся, — национальности он был неопределенной, но по-английски говорил с неторопливой оксфордской протяжностью. — Вчера они сожрали двух английских моряков стоящего в Гольф-Жуане *flotte*¹.

— Боже мой! — воскликнула Розмари.

— Они всегда за *flotte* ходят, питаются отбросами.

И остеклянив глаза, дабы показать, что заговорил он с ней лишь из желания предупредить ее, мужчина отступил

¹ Флот, соединение военных кораблей (*фр.*).

на два семенящих шага и налил в стаканчик новую порцию выпивки.

Не без приятности смущенная, поскольку во время этого разговора внимание всех, кто сидел на пляже, вновь обратилось к ней, Розмари огляделась в поисках места, где она могла бы присесть. Понятно было, что каждое семейство безраздельно владело полоской песка, лежавшей непосредственно перед его зонтом; кроме того, люди то и дело переходили от зонта к зонту, переговаривались со знакомыми, и отходили, — словом, пляжем правил дух общности и попытка присоединиться к ней отдавала бы бесцеремонностью. Несколько дальше, где песок был усеян галькой и пучками сухих водорослей, расположилась компания с такой же белой, как у Розмари, кожей. Члены ее лежали не под пляжными зонтами, а под ручными парасолями, вообще ясно было, что они — не из здешних аборигенов. В конце концов Розмари выбрала себе место в пространстве, разделявшем людей смуглых и белокожих, и расстелила на песке свой халат.

Лежа на нем, она сначала слышала голоса, потом чьи-то шаги огибали ее, чьи-то тела заслоняли от солнца. Один раз шею Розмари овеяло теплое, запышливое дыхание любознательного пса; она чувствовала, как ее кожа понемногу пропекается солнцем, и вслушивалась в тихое, усталое «фа-фаа» испускавших дух волн. Потом ее ухо стало различать отдельные голоса, и она услышала, как кто-то с презрением рассказывает об «этом Норте», прошлой ночью похитившем из кафе в Каннах гарсона, чтобы распилить его надвое. Рассказ был обращен к беловолосой женщине в вечернем платье, очевидном реликте вчерашнего вечера, ибо на голове женщины еще сидела диадема, а на плече угасала разочаровавшаяся в жизни орхидея. Розмари, ощутив неясную неприязнь и к женщине, и к ее компании, отвернулась.

По другую от этой компании сторону ближе всех к Розмари лежала под шалашиком из зонтов и составляла некий список, выписывая что-то из раскрытой на песке книги, молодая женщина. Бретельки ее купального костюма были стянуты с плеч, спускавшаяся от нитки матовых жемчужин

спина, где красноватая, где оранжево-коричневая, светилась под солнцем. Лицо женщины было и жестким, и миловидным, и несчастливым. Она взглянула Розмари в глаза, но не увидела ее. За нею лежал на песке крупный мужчина в жокейской шапочке и трико в красную полоску; за ним женщина с плота, *эта* ответила на взгляд Розмари и несомненно ее увидела; далее следовал мужчина с длинным лицом и золотистой львиной гривой — голубое трико, непокрытая голова, — он очень серьезно беседовал с молодым человеком в черном купальном костюме, явным латиноамериканцем, разговаривая, оба выкапывали из песка комочки водорослей. Люди эти, подумала Розмари, по большей части приехали сюда из Америки, но что-то отличает их от американцев, с какими она знакомилась в последние месяцы.

Некоторое время спустя она обнаружила, что мужчина в жокейской шапочке угощает свою компанию маленьким, тихим представлением — важно разгуливает с граблями по песку, якобы выковыривая из него гальку, и между тем разыгрывает некую понятную лишь посвященным пародию, удерживая ее невозмутимым выражением лица в зачаточном состоянии. Понемногу он добавлял к ней все более уморительные маленькие подробности, и наконец что-то сказанное им вызвало взрыв хохота. Даже те, кто, подобно Розмари, находился слишком далеко от него, чтобы слышать хоть слово, наставляли на мужчину антенны внимания, и вскоре молодая женщина в жемчугах осталась единственным на пляже не увлеченным представлением человеком. Возможно, это сдержанность собственницы заставляла ее при каждом залпе смеха еще ниже склоняться над своим списком.

Внезапно прямо над Розмари прозвучал, словно бы с неба, голос обладателя монокля и бутылки:

— Вы потрясающе плаваете.

Она запротестовала.

— Отлично плаваете. Меня зовут Кэмптон. Тут одна леди говорит, что видела вас на прошлой неделе в Сорренто, знает, кто вы, и очень хотела бы познакомиться с вами.

Розмари, затаив раздражение, оглянулась и увидела обращенные к ней полные ожидания взгляды людей из незагорелой компании. Неохотно встав, она направилась к ним.

— Миссис Абрамс... миссис Мак-Киско... мистер Мак-Киско... мистер Дамфри...

— Мы знаем, кто вы, — громко сообщила дама в вечернем платье. — Вы Розмари Хойт, я сразу узнала вас в Сорренто и потом еще у портье спросила, и мы думаем, что вы совершенно дивная, и нам интересно, почему вы не вернулись в Америку, чтобы сняться еще в одном дивном фильме.

Они с преувеличенной предупредительностью раздвинулись, освободив для нее место. Несмотря на ее фамилию, дама, узнавшая Розмари, еврейкой не была. А была она одной из тех пожилых «своих в доску» женщин, которым хорошее пищеварение и невосприимчивость к любым печальным переживаниям позволяют с легкостью осваиваться среди людей нового поколения.

— А еще мы хотели предупредить вас, что в первый день здесь ничего не стоит обгореть, — весело продолжала она, — тем более *ваша* кожа дорогого стоит, но на этом пляже столько дурацких условностей, что мы побоялись к вам подойти.

ГЛАВА II

— **М**ы думали — а вдруг вы тоже в заговоре состоите, — сказала миссис Мак-Киско, напористая, хорошенькая молодая женщина с тусклыми глазками. — Мы же не знаем, кто в нем участвует, а кто нет. Мой муж очень мило поговорил с одним мужчиной, а после выяснилось, что он там из верховодов, не самый главный, но почти.

— Заговор? — переспросила Розмари, не понявшая и половины услышанного. — А что, здесь существует какой-то заговор?

— Дорогая моя, *мы не знаем*, — с судорожным смешком дородной женщины ответила миссис Абрамс. — Мы-то в нем не участвуем. Мы — зрители, галерка.

— Миссис Абрамс — сама по себе заговор, — заметил мистер Дамфри, белобрысый, несколько женственный молодой человек.

Услышав это, мистер Кэмптон погрозил ему моноклем и сказал:

— Не будьте таким гадким, Ройал.

Розмари ощущала неудобство, глядя на них, и жалела, что с ней нет матери. Люди эти не нравились ей, особенно по сравнению с теми, кто заинтересовал ее на другом конце пляжа. Непритязательная, но непреклонная светскость матери неизменно помогала им обоим быстро и решительно выходить из нежелательных ситуаций. Розмари же приобрела известность всего полгода назад, и по временам французская чопорность ее ранней юности и демократические повадки Америки как-то перемешивались в ней, сбивая ее с толку, отчего она попадала вот в такие истории.

Мистера Мак-Киско, тощего, рыжего, веснушчатого мужчину лет тридцати, болтовня о «заговоре» нисколько не забавляла. Весь этот разговор он смотрел в море, а теперь, метнув быстрый взгляд в сторону жены, повернулся к Розмари и требовательно осведомился:

— Давно здесь?

— Первый день.

— О.

Решив, по-видимому, что вопрос его полностью переменял тему общего разговора, он поочередно оглядел всех остальных.

— На все лето приехали? — невинно осведомилась миссис Мак-Киско. — Если так, вы сможете увидеть, как развивается заговор.